

1 Разговор третий. О жестокостях христиан.

Семинарист, вытаскивая из-за пазухи свежую книжку Эрмана: А я во чего купил!

Оптимист: Лучше бы Златоуста почитал.

Пессимист: Зачем же Вы так, коллега? Молодежь тянется к знаниям!

Оптимист: Какие знания? У Эрмана сплошные натяжки и провокации!

Семинарист: Ууу! Провокации! (Принимается с интересом листать книгу).

Пессимист: Почему Вы сразу отмечаете обоснованную критику? Взять хотя бы тезис об эксклюзивности некоторых религий. Например, иудеи, христиане, мусульмане считают, что истинна только их религия, а другие религии отвергают. И когда власть попадает в их руки, они устраивают гонение на инакомыслящих. Все логично, не так ли?

Оптимист: Эрман сам же пишет, что так бывает не всегда.

Пессимист: Это неважно. Главное, что это справедливо в отношении христианства. Поистине кровавая религия!

Оптимист: Отдельные эксцессы еще не говорят о том, что это была одобряемая политика. И христиане особо никого не убивали.

Пессимист: Как насчет убийства Ипатии, Александрийской девы-философа толпой разъяренных христианских гопников? Есть даже подозрение, что санкция исходила от самого Кирилла Александрийского!

Оптимист: Ипатию убили люди, которые превратно поняли Библию. Таким деятелям всегда больше нравится Ветхий Завет, по понятным причинам. Их и христианами можно назвать с натяжкой. А святитель Кирилл тут не при чем! Александрия — огромный по тогдашним меркам город. В обществе существовали серьезные трения. Он просто не мог все контролировать. И вообще роль Кирилла в этом мятеже оспаривается многими учеными.

Пессимист: Да уж конечно! В житии святого такие вещи как-то не очень хорошо смотрятся.

Семинарист, отрываясь от чтения Эрмановской книжки: Во чего нашел! Либаний пишет про разорение языческих капищ: “Это племя черноризцев, что едят больше слонов, а пьют столько, что певцы, сопровождающие их трапезы гимнами, устают петь...” (Что-то знакомое... Это они “многая лета” пели к каждому тосту?) “... спешат нападать на храмы, вооружившись палками, камнями и железными прутьями, а иной раз, презрев это оружие, с голыми руками и ногами. Они разбирают крыши, сносят стены, сбрасывают наземь статуи, переворачивают алтари, а жрецы, видя это, должны молчать, или умереть”.

Оптимист: Это клевета ритор-язычника! Он пристрастен к христианству и все намеренно преувеличивает!

Пессимист: Смириться уже с подлинным историческим свидетельством. Причем в нем раскрывается важная черта: именно чернецы, посвятившие себя служению Богу, считали своим правом преследовать инакомыслящих. Эта история повторится потом много раз. Чем адепты жестче придерживаются доктрины, тем страшнее преследования инакомыслящих.

Оптимист: Но ведь были и противоположные примеры. Святитель Григорий Богослов считал, что нужно действовать убеждением, потому что принуждаемый потом с еще большим упорством вернется к своей прежней вере.

Семинарист: Да уж. Прямо как в том фильме: “Вы Иеговистов видите?”, “Нет!”, “А они есть!”. Ушли в подполье и ждут своего часа, готовятся...

Пессимист: История с запретом деятельности Свидетелей Иеговы — возмутительна! Православная Церковь, еще недавно терпевшая преследования, сама сделалась инициатором гонений.

Оптимист: Это инициатива гражданских властей. У иеговистов — штабквартира в Америке.

Семинарист: Смерть шпионам! Да здравствует наше государство, самое православное в мире!

Пессимист, поморщившись: Не паясничайте! У нас тут серьезный разговор. Как насчет Крестовых походов? Иерусалимская резня в 1099 году — прекрасный пример жестокости христиан.

Оптимист: Защитники Иерусалима сами виноваты. Они мучали и убивали паломников-христиан.

Семинарист: А я песенку выучил. Написана крестоносцами через год после резни:

”Реки крови текли
В стенах Иерусалима
когда люди, пораженные ужасом, погибали
Радуйся, Иерусалим!
И мостовая храма
стала красной
от крови умирающих.
Радуйся, Иерусалим!
Они были преданы огню.
Радуйтесь, вы, благословенные,
Ибо проклятые погибают!
Радуйся, Иерусалим!”
Пессимист: Ужас какой!

Оптимист: Ну хватит уже нагнетать! Крестовые походы — следствие властолюбия пап и алчности рыцарей. К тому же мусульмане выкрикивали со стен Иерусалима оскорбления против Христа, чем сильно разозлили крестоносцев. Это же были неотесанные варвары, которые своеобразно понимали христианство.

Пессимист: Ну а сожжение еретиков Инквизицией?

Оптимист: Ну, конечно, куда же без Инквизиции! Во-первых, количество пострадавших не так уж велико. Во-вторых, попробуйте взглянуть на происходящее с точки зрения ревностного епископа или священника-ортодокса.

Семинарист: Вы хотели сказать, мракобеса и обскурантиста?

Оптимист: Не ерничай! Если речь идет об избавлении душ от вечной муки, то ставки слишком высоки, чтобы сидеть сложа руки. Неверное учение приводит людей к гибели. По сути язычник, еретик, отвращающий христиан от веры в Сына Божия, — массовый убийца душ. Конечно, необходимо что-то противопоставить этой душепагубной деятельности. Как там Златоуст говорит про пастуха? Пока волк сидит в лесу, пастух его и не трогает, играет себе на свирели. Но когда волк пытается утащить одну из овец, он откладывает свирель, берет пращу и поражает волка.

Семинарист: О, да, простые решения! Еретика — камнем в лоб! Что-то я, помнится, читал про это у Иосифа Волоцкого,

в “Просветителе”... Не этими ли цитатами из Златоуста он оправдывал сожжение еретиков-“жидовствующих”?

Пессимист: Да-да. Он еще цитировал Ветхий Завет, где геноцид хананеев якобы санкционирован Богом. А ведь были и Кирилловские старцы-нестяжатели, ученики Нила Сорского, которые не принимали позицию иосифлян. Они настаивали на том, что ответом на деятельность еретиков должна быть молитва и христианское милосердие. Нужно ожидать покаяния заблудшего, а не казнить его. Почему церковные власти не послушали их, а приняли сторону иосифлян?

Оптимист: Думаю, из соображений государственной безопасности. Жидовствующие скрытно проникли во многие сферы государственной деятельности, а их лояльность власти была сомнительной. К тому же у Великого князя была личная причина недолюбливать нестяжателей. Они обличали его за пострижение в монахини законной супруги, против ее воли для того, чтобы жениться во второй раз. Обвинения в ереси были лишь предлогом.

Оптимист: Тут важен вопрос мотивации. Я уже говорил, что многое зависит от системы ценностей. Если главная ценность — гуманистическая: земная жизнь и свобода человека, то тогда надо оставить еретиков в покое. Пусть себе занимаются прозелитизмом. Но если основная ценность — достижение Царства Небесного, вечная жизнь с Богом, то тогда все выглядит иначе.

Семинарист: Но значит ли это, что инквизиторы были правы, потому что руководствовались духовной пользой человечества?

Оптимист: Инквизиция — изобретение католиков! А католики...

Семинарист: Понятно. Еретики придумали сжигать еретиков. Так все прям понятно сразу! Только почему некоторые православные святые одобряли все это? Похоже, в Церкви всегда было два мнения по поводу того, что делать с ересью и еретиками. То же иосифлянство и нестяжательство. Чем жестче догматизм и нетерпимость, тем страшнее гонения на инакомыслие. И наоборот.

Пессимист: Как по мне, казнь еретиков — это жест отчаяния. Когда епископы и священники, необразованные, погрязшие в богатстве и распущенности, не справляются со своей задачей переубедить инакомыслящих, они зовут на помощь гражданскую власть и казнят всех, кого не смогли уговорить. Мы и сегодня это видим в гонениях на иеговистов и сайентологов, еще этот ДСС, Энтео с его хулиганскими выходками...

Оптимист: При чем тут Энтео? Государственный деятель,

осознающий свою ответственность перед Богом за свое отношение к Церкви, не может безучастно смотреть, как Православие подвергается атаке и приходит на помощь. Одним прощением и милосердием с еретиками не справишься. Особенно, если еретики упорствуют, злоупотребляя милосердием и прощением христиан и продолжают губить души. Не будет ли правильнее, если гражданская власть в христианском государстве ограничит их вредную деятельность? Сжигать это, конечно, черезчур...

Пессимист: Неужели Вы не понимаете, что чаша весов однажды качнется в другую сторону, и на стороне гонимых снова окажутся христиане? Вы сами собираете себе угли на голову.

Оптимист: Пусть так! Но правда на нашей стороне.

Пессимист: Апология инквизиции. Интересно...

Семинарист: Что-то у меня глаз дергается. Кажется, начальство хватилось меня в семинарии и собирается подвергнуть казням за прогул молитвы...

Оптимист: И за чтение Эрмана!

Семинарист: Я убежал!

Семинарист мгновенно исчезает. Пессимист и Оптимист пожимают плечами и тоже расходятся.

Конец третьего разговора.

Сравнение кровавости с коммунизмом и нацизмом (аргумент против общей темы произвольного изменения нравственности.

- Сравните результаты! Количество жертв нацистов (за десять лет) и количество жертв, павших от рук христиан за всю его историю.

Семинарист, или оптимист: Тезис о религиозном развитии общества, в т.ч. христианского.

Пессимист: причина жестокости христиан в строгости догматики, в представлении о том, что неверная доктрина, пропозиционально изложенное учение может привести верующих к вечной гибели

Пессимист: Как насчет “подставить другую щеку”? Христианские авторитеты, даже святые часто забывали об этих словах Христа. К примеру, митрополит Филарет Московский говорил: “Люби врагов своих, ненавидь врагов Божиих и бей врагов отечества”. Это же прямой призыв ненавидеть еретиков!

Оптимист: Вообще-то эту цитату безбожно переврали. В оригинале так: “Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь”. Ничего про ненависть он не говорил.

Еще полезнее представлять себе Бога, который как капризный царь придумывает произвольные законы. Например вообще убивать нельзя, но если царь велел кого-то ликвидировать, то уже нельзя не убивать.